

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111

¹ Портнягин Д.В.

¹ Курганский государственный университет

«Самокритика слова» в романе Г. Грина «Тихий американец»

Аннотация: статья посвящена анализу романа Грэма Грина «Тихий американец» (1955) как метапрозаического текста, центральной проблемой которого является исследование возможностей и границ письма в его соотношении с реальностью. В работе доказывается, что роман осуществляет последовательную «самокритику слова» – ключевую категорию поэтики М.М. Бахтина, – подвергая рефлексии различные дискурсивные практики (новостной репортаж, политический трактат, поэзию, личную переписку) и демонстрируя их несостоятельность или ангажированность в попытке адекватной репрезентации сложной политической и культурной реальности Вьетнама.

Конфликт между главными героями, английским журналистом Фаулером и американским дипломатом Пайлом, интерпретируется не только как идеологический или личный, но и как эпистемологический: он раскрывает противоречие между циничным неверием в репрезентативный потенциал текста и его идеализацией.

Ключевые слова: Грэм Грин, «Тихий американец», самокритика слова, дискурс, репрезентация, роман, письмо, Вьетнам, ориентализм

Для цитирования: Портнягин Д.В. «Самокритика слова» в романе Г. Грина «Тихий американец» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 196 – 201.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

¹ Portnyagin D.V.

¹ Kurgan State University

"Self-criticism of the word" in Graham Greene's novel "The Quiet American"

Abstract: the article analyzes Graham Greene's novel "The Quiet American" (1955) as a metaprose text, the central issue of which is the exploration of the possibilities and limitations of writing in its relation to reality. The study argues that the novel consistently implements the "self-criticism of the word" – a key concept in M.M. Bakhtin's poetics – by reflecting on various discursive practices (news reporting, political treatise, poetry, private correspondence) and demonstrating their inadequacy or bias in attempting to adequately represent the complex political and cultural reality of Vietnam.

The conflict between the main characters, the English journalist Fowler and the American diplomat Pyle, is interpreted not only as ideological or personal but also as epistemological: it reveals the contradiction between cynical disbelief in the representational potential of the text and its idealization.

Keywords: Graham Greene, "The Quiet American", self-criticism of the word, discourse, representation, novel, writing, Vietnam, orientalism

For citation: Portnyagin D.V. "Self-criticism of the word" in Graham Greene's novel "The Quiet American". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 196 – 201.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Роман Грэма Грина «Тихий американец» (1955) представляет собой полидискурсивное образование, в котором взаимодействуют разнородные нарративные модусы: от военного эпоса и истории любви до ориентального экзотизма и актуальной журналистики. Сам писатель в автобиографии «Пути спасения» (1980) утверждал: «Perhaps there is more direct reportage in *The Quiet American* than in any other novel I have written» [6, с. 146]. Норман Шерри (1925-2016) с энтузиазмом поддержал это замечание, заявив, что роман глубоко основан на личных наблюдениях Грина: «Many of his experiences find their way directly into the novel and what can be discovered about the people he came to know illustrates his creative process» [10, с. 373]. Кроме того, «Тихий американец» вступает в интертекстуальный диалог с корпусом романских произведений – от «Дон Кихота» до более раннего текста самого Грина «Конец романа» (1951). Представляется, что посредством тематизации письма роман осуществляет процесс рефлексии, выступая в качестве примера текста, которому присуща одновременно критическая и самокритическая функция. В рамках данной статьи предлагается интерпретировать «Тихого американца» как метапрозаическое высказывание о природе письма и на этом основании продемонстрировать, что «самокритика слова», в соответствии с концепцией М.М. Бахтина, является имманентным свойством романного жанра: «Эта самокритика слова – существенная особенность романного жанра. Слово критикуется в его отношении к действительности: в его претензиях верно отражать действительность, управлять действительностью и перестраивать её (утопические претензии слова), подменять действительность как её суррогат (мечта и вымысел, заменяющие жизнь)» [1, с. 168].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, интегрирующий методы дискурс-анализа, нарратологического и интертекстуального анализа, а также историко-литературный и биографический методы. В качестве материала исследования привлекается корпус текстов, включающий роман Г. Грина «Тихий американец» в его лингвистическом и концептуальном своеобразии, теоретические работы М.М. Бахтина о природе романного слова, критическую и научную литературу, автобиографические и публицистические произведения самого Грина. Уделяется внимание контекстуальным источникам – историческим документам, периодике и материалам, отражающим идеологический и культурный фон эпохи. Такой методологический синтез позволяет осуществить многомерный анализ романа как метапрозаического высказывания, раскрывающего механизмы самокритики слова в его отношении к действительности.

Результаты и обсуждения

М.М. Бахтин высказывал сомнения относительно категоризации романа как жанра в традиционном понимании, рассматривая его скорее, как сознательно структурированный гибрид языков, порожденный способностью к ассимиляции разнородных дискурсивных форм. Согласно позиции Бахтина, изложенной в работе «Эпос и роман», роману присуще скептическое отношение к иным жанрам:

«Роман ... плохо уживается с другими жанрами. Ни о какой гармонии на основе взаиморазграничения и взаимодополнения не может быть и речи. Роман пародирует другие жанры (именно как жанры), разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» [1, с. 610]. Как отмечал Майкл Холквист (1935-2016) во введении к бахтинским эссе в работе «*The Dialogic Imagination*», роман может быть интерпретирован либо как «сверхжанр», обладающий способностью поглощать и трансформировать иные жанры (со свойственными каждому из них особыми языками), либо как явление, выходящее за рамки традиционных жанровых категорий [7, с. xxix].

В рамках бахтинской поэтики каноническим примером реализации указанных принципов, будучи охарактеризованным самим теоретиком как «классический и чистейший образец романного жанра» [1, с. 78] выступает роман Сервантеса «Дон Кихот». Данное произведение интенсифицирует непрерывный диалогический конфликт между романтизированными иллюзиями, порожденными литературными дискурсами, и дискредитирующим их опытом действительности. При традиционном обращении к бахтинской концепции романа исследовательский фокус закономерно смещается в сторону масштабных полифонических произведений – от сервантесовского творения до «Братьев Карамазовых» Достоевского, – для которых характерны разветвленная система персонифицированных голосов, сложное взаимодействие институциональных дискурсов, стилистических традиций и межличностных коммуникаций.

Применение бахтинского аналитического инструментария к относительно лаконичному и лишенному комического пафоса тексту «Тихого американца» позволяет выявить метапрозаическую природу романа.

«Тихий американец» Г. Грина деконструирует романтизированный образ творца как героя. Протагонист, английский журналист Томас Фаулер, воспринимает свою профессию исключительно как инструмент легитимации пребывания во Вьетнаме. Цензура принуждает его к самоограничениям в подаче материалов.

Примечательно, что сам жанр военного репортажа в романе проблематизируется как дискурсивная практика, не гарантирующая репрезентативной достоверности. Яркой иллюстрацией служит эпизод, в котором экономический атташе хвалит репортаж Билла Грэнджера «Дорога в ад» за его натуралистичность, тогда как сам журналист признаётся, что никогда не посещал описываемую локацию [2, с. 49]. Указанный контекст объясняет скептицизм Фаулера относительно потенциала письма, выраженный в его реплике: «You know, if you live in a place for long you cease to read about it» [4, с. 21].

Основанный на опыте прагматичный скепсис Фаулера противостоит идеализированной вере «тихого американца» Пайла в силу дискурса.

Персонаж Олдена Пайла характеризуется исключительной начитанностью и специфическим подходом к отбору литературы. Он демонстрирует неизменное почтение к авторам, которых определяет как «серьёзных писателей» – категории, из которой исключены романисты, поэты и драматурги. Особенно высоко он ставит мнение Йорка Хардинга, автора книги «Наступление Красного Китая». Именно доктринальные построения Хардинга относительно Юго-Восточной Азии становятся идейной основой для трагического вмешательства Пайла в создание «третьей силы» во Вьетнаме, что выражается в поставках взрывчатых веществ генералу Тхе (Thé, 1922-1955), приведших к гибели гражданского населения.

Раздражение Фаулера в отношении Пайла содержит элементы геополитического и интеллектуального противостояния: обиду представителя старой колониальной империи на выскочку-гегемона, а также профессиональное презрение практика к кабинетному теоретику, находящее параллели в киплингеской сатире на парламентария Пэджета [8]. Однако сущностный конфликт лежит в противопоставлении веры и неверия в онтологический статус письма. Если Пайл воспринимает тексты Хардинга как прямое руководство к действию, то Фаулер подвергает сомнению саму возможность адекватного отражения сложных местных реалий в политическом дискурсе. Данная антиномия последовательно развёртывается в полемических диалогах начальных глав романа.

Структурная организация нарратива в «Тихом американце» характеризуется сложной хронологической инверсией: гибель Олдена Пайла, в которой Томас Фаулер выступает соучастником, декларируется в начальных фрагментах текста, однако эксплицитное описание данного события откладывается. Эта нарративная апория функционирует как метатекстовый сигнал, указывающий на разрыв между дискурсивными практиками и референциальной реальностью.

Первым действием Фаулера после полицейского допроса становится создание журналистского текста под заголовком «American official murdered in Saigon». Этот акт письма представляет собой синкретический процесс текстуализации и одновременной фальсификации произошедшего, где нарратив становится инструментом сокрытия вины. Показательно, что институциональные системы воспроизводят аналогичную модель: французский инспектор Виго открыто признаёт, что его отчёт не направлен на установление истины («I'm just making a report, that's all» [4, с. 27]), а американский экономический атташе использует телеграфное сообщение родителям Пайла для конструирования идеологизированного мифа («Grieved to report your son died a soldier's death in cause of Democracy» [4, с. 31]). Грин демонстрирует, что письмо – особенно в его институциональных формах – оказывается радикально дистанцированным от актуального опыта, будь то наивный идеализм, циничная манипуляция или бюрократический ритуализм.

Даже в тех случаях, когда письмо в романе демонстрирует относительную фактическую точность, оно предстаёт недостаточным ответом на экзистенциальный опыт. Кредо Фаулера – «не вмешиваться» – приобретает характер мировоззренческого принципа: «My fellow journalists called themselves correspondents; I preferred the title of reporter. I wrote what I saw. I took no action – even an opinion is a kind of action» [4, с. 27]. Эта позиция персонажа переключается с отсутствием самого Грина в сборнике 1937 года «Authors Take Sides on the Spanish Civil War», который можно рассматривать как иллюстрацию степени вовлечённости писателей-британцев в общественно-политическую проблематику того периода (только 16 из 148-ми опубликовавших ответы авторов были заявлены как нейтральные) [3].

Вымышленный персонаж Фаулер наследует эту стратегию уклонения. Статья Фаулера о войне теряет свою выразительность из-за цензуры и его собственного отказа от оценочных суждений. Холодная объективность исключает эмоциональную вовлечённость. И снова, эта позиция соответствует журналистскому кредо самого Грина, изложенному в его рецензии от 13 июня 1941 года на «Report on England» (1940) Ральфа Ингерсолла (Ingersoll, 1900-1985). Грин хвалит способность американского журналиста занять позицию внешнего наблюдателя при описании бомбардировок Лондона (the Blitz), отмечая:

«Mr Ingersoll, just because he was not personally involved and was enormously interested, allows us to see the war momentarily from the outside. [...] The book is not written in terms of adulation; there are as many stories of muddle as of heroism; of selfishness as of self-sacrifice, but it does give an honest picture (inaccurate only in small details), and it is written with imaginative sympathy - which is better than emotional sympathy» [5, с. 96-97].

Критика Фаулером Пайла – «He was young and ignorant and silly and he got involved» [4, с. 32] – основана на убеждении, что письмо противоположно реальности: «He never saw anything he hadn't heard in a lecture-hall, and his writers and lecturers made a fool of him» [4, с. 32]. Несколькими страницами ранее, найдя в библиотеке Пайла «Физиологию брака», Фаулер замечает: «Perhaps he was studying sex, as he had studied the East, on paper» [4, с. 28].

Печальная ирония заключается в том, что желание Фаулера видеть Пайла читающим воскресные приложения к газетам с «какой-нибудь американочкой, которая читает книжки только по выбору своего клуба» [2, с. 45] – раскрывает его собственный снобизм и цинизм. Он рассматривает массовое чтение как инструмент конформизма, создающий иллюзию безопасности посредством интеллектуальной ограниченности. Таким образом, письмо для Фаулера делится на два типа: опасное (теоретическое, идеологическое) и безопасное (бытовое, конформистское), причём оба в конечном счёте не подходят для передачи сложности реального мира.

В противовес политическим наукам и пресс-релизам, которые в различной степени искажают действительность, Фаулер усматривает иной тип письма, способный, по его мнению, передать подлинную сущность Вьетнама – письмо литературное, открыто отвергаемое Пайлом как несерьёзное. Погружаясь в оптимную грезу, Фаулер обретает языковое выражение своему состоянию в стихотворении Бодлера «L'Invitation au voyage», которое высвобождает его сознание для синестетических ассоциаций: от аромата опиума и женского тела к цветам и каналам Северного Вьетнама, а затем – к удовлетворению, инерции и нежеланию возвращаться домой.

Бодлеровская лирика активизирует в Фаулере метафорический потенциал, представляющийся ему единственно адекватным – в рамках западного языка – средством репрезентации вьетнамского опыта. Схожий процесс наблюдается в его диалоге с Пайлом, когда последний обращается к нему за разъяснениями о стране. Фаулер предлагает молодому человеку то, что он сам называет «arid bones of background», признавая, что подлинный фон – «the real background» – Пайлу предстоит постичь через субъективные впечатления. Это намерение реализуется в форме лирического перечня образов:

«... the gold of the rice-fields under a flat late sun: the fishers' fragile cranes hovering over the fields like mosquitoes, the cups of tea on an old abbot's platform, with his bed and his commercial calendars, his buckets and broken cups and the junk of a lifetime washed up around his chair: the mollusc hats of the girls repairing the road where a mine had burst: the gold and the young green and the bright dresses of the south, and in the north the deep browns and the black clothes and the circle of enemy mountains and the drone of planes» [4, с. 23].

Такой же импрессионистский приём используется Грином и в его «путешественнической» прозе. В мемуарном произведении «Пути спасения» автор воспроизводит сходную поэтику очарования Индокитаем:

«The spell was first cast... by the tall elegant girls in white silk trousers, by the pewter evening light on the flat paddy fields, where the water buffaloes trudged fetlock-deep with a slow primeval gait; by the French perfumeries in the rue Catina, the Chinese gambling houses in Cholon; above all by that feeling of exhilaration which a measure of danger brings to the visitor with a return ticket: the restaurants wired against grenades, the watchtowers striding along the roads of the southern delta with their odd reminders of insecurity: "Si vous êtes arrêtés ou attaqués en cours de route, **prévenez** le chef du premier poste important"» [6, с. 136].

Подобные дескриптивные пассажи, часто оформленные посредством настоящего времени, причастных конструкций или номинального стиля, могут быть интерпретированы как способ деисторизации, репрезентирующий Восток в качестве пасторального пространства. В «Тихом американце» оксиденталистским аналогом этому служат глянцевые образы западных журналов, которые созерцает Фуонг. Подобный поэтизированный перечень чувственных впечатлений доступен лишь опытным наблюдателям и является результатом непосредственного личного опыта. Данная форма письма, способная передать эмоциональную правду о Вьетнаме, остается принципиально недоступной Пайлу, поскольку он оказывается персонажем в нарративе, который является историей его собственной гибели.

Максимальной степени искренности в письменном высказывании Фаулер достигает в сугубо приватном послании к супруге в Лондон, где, умоляя о разводе, он откровенно признаёт исключительно эгоистическую природу своих мотивов [2, с. 92]. Вместо апелляции к разуму или милосердию, он призывает её руководствоваться иррациональной привязанностью к нему – хотя он этого и не заслуживает.

Этот эпизод экстраординарен для профессионального репортёра: фиксируется физиологическая реакция на акт искреннего письма – состояние истощения, сравнимое с перенапряжением нетренированных мышц: «When I had finished I felt as though I had run a long way and strained unconditioned muscles. I lay down on the bed while Phuong made my pipe» [4, с. 100-101].

«Оазис искренности» существует в строго ограниченном приватном пространстве. Письмо выдержано в супружеско-бытовом регистре и сознательно исключает какие-либо отсылки к вьетнамскому контексту, что подчёркивает его принципиальную отъединённость от профессиональной и политической сфер. Подлинность выражения оказывается возможной лишь в пространстве интимной коммуникации, тогда как публичные формы письма неизбежно несут на себе печать конвенциональности, идеологии или отчуждения.

Участие романа Грина в бахтинской «самокритике слова» осуществляется через постоянную экспозицию к современности. Этот процесс приобретает особую значимость в контексте вьетнамской реальности 1950-х годов. По классической для Востока в целом схеме, обрисованной Саидом в «Ориентализме» [9], Вьетнам стал объектом западного дискурсивного конструирования, имевшего конкретные политические и гуманитарные последствия.

Выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что роман Грэма Грина «Тихий американец» представляет собой сложное метапрозаическое высказывание, осуществляющее бахтинскую «самокритику слова» через системную рефлексию о природе и возможностях письма. Вопреки каноническим полифоническим образцам, Грин демонстрирует, что даже лаконичный моноперспективный нарратив способен быть зоной «максимального близкого контакта предмета изображения с настоящим в его незавершённости» [1, с. 634], где сталкиваются и подвергаются испытанию реальностью различные дискурсивные практики.

Центральный конфликт между прагматичным скепсисом Фаулера и идеализированной верой Пайла в репрезентативную силу слова раскрывается как эпистемологическое противостояние. Роман последовательно разоблачает письмо в его институциональных формах – новостной репортаж, политическая доктрина, коммюнике – как инструмент идеологической симуляции, манипуляции и уклонения от ответственности. При этом гриновская поэтика не предлагает простой альтернативы в виде «честного» письма. Даже литература и искренняя личная переписка, хотя и способны передать эмоциональную и экзистенциальную правду, оказываются маргинальными и неспособными повлиять на ход повествования.

Таким образом, «Тихий американец» не только участвует в интертекстуальном диалоге с традицией романа, но и подтверждает её ключевой, по Бахтину, принцип: имманентную критическую рефлексию о собственном языке. Роман Грина доказывает, что эта рефлексия актуальна не только в отношении «высоких» образцов жанра, но и в условиях конкретного исторического и политического кризиса, демонстрируя несоответствие между дискурсивными конструктами и реальностью, которую они призваны описать.

Список источников

1. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.
2. Грин Г. Тихий американец. Наш человек в Гаване. Комедианты. М.: Правда, 1986. 704 с.
3. Authors take sides on the Spanish Civil War. London: Left Review, 1937. 36 p.
4. Greene G. The Quiet American. London: William Heinemann Ltd., 1955. 247 p.
5. Greene G. Reflections. [London]: Reinhardt Books in association with Viking, 1990. 354 p.
6. Greene G. Ways of Escape. New York: Washington Square Press, 1982. 294 p.
7. Holquist M. Introduction // The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Austin: University of Texas Press, 1981. P. XV–XXXIV.
8. Kipling R. Pagett M.P. // The Sussex Edition of the complete works in prose and verse. Vol. XXXII: Departmental Ditties and Barrack-Room Ballads. London: Macmillan and Co., 1938. P. 49 – 51.
9. Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 369 p.
10. Sherry N. The Life of Graham Greene. London: Pimlico, 2004. 622 p.

References

1. Bakhtin M.M. Collected Works, in 7 vol. The Theory of the Novel (1930-1961). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. Vol. 3. 880 p.
2. Greene G. The Quiet American. Our Man in Havana. Comedians. Moscow: Pravda, 1986, 704 p.
3. Authors Take Sides on the Spanish Civil War. London: Left Review, 1937. 36 p.
4. Greene G. The Quiet American. London: William Heinemann Ltd., 1955. 247 p.

5. Greene G. Reflections. [London]: Reinhardt Books in association with Viking, 1990. 354 p.
6. Greene G. Ways of Escape. New York: Washington Square Press, 1982. 294 p.
7. Holquist M. Introduction. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Austin: University of Texas Press, 1981. P. XV – XXXIV.
8. Kipling R. Pagett M.P. // The Sussex Edition of the complete works in prose and verse. Vol. XXXII: Departmental Ditties and Barrack-Room Ballads. London: Macmillan and Co., 1938. P. 49 – 51.
9. Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 369 p.
10. Sherry N. The Life of Graham Greene. London: Pimlico, 2004. 622 p.

Информация об авторах

Портнягин Д.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Зарубежная филология, лингвистика и преподавание иностранных языков», Курганский государственный университет, portdim73@mail.ru

© Портнягин Д.В., 2025